

А. БАЛАБУХА

РАВНОВЕСИЕ

Фантастический рассказ

Еще один, — думал Суркис, глядя в окно на слегка всхолмленную равнину, вдали, почти у самого горизонта, переходящую в предгорья. — Еще один, которому ты отказываешь. И в чем? В самом главном, в праве работать, заниматься своим делом без помех. До чего же это тяжело — быть координатором Совета Геогигиены! Сбежать бы! Снова стать просто ландшафтологом и...

Негромко пропел таймер. Суркис подошел к столу и нажал одну из клавиш на панели селектора.

— Толя? Да. Как там у вас с контрольным расчетом по энергоцентру? Уже у меня? Спасибо. В двух словах. То же самое?

Вы не ошиблись? Да не обижайтесь, чудак-человек, я же знаю, что вы непогрешимы. С машиной? Пусть так. И все-таки жаль, что вы не ошиблись... Еще раз спасибо. Все.

Он открыл почтовый ящик и, вынув оттуда рулон пергаминовой ленты, стал перематывать его, иногда задерживаясь и внимательно изучая нанесенный на ленту график. Это был приговор проекту энергоцентра. Приговор в последней инстанции, безжалостный и обжалованию не подлежащий. Суркис представил себе лицо Ждана Бахмэндо, ведущего энергетика Зари, и ему стало невыносимо тошно. Уже не глядя, автоматически докрутив ленту, Суркис положил рулон на стол и сел, обхватив руками голову. «Сбегу, — решил он вдруг. — На один день, на один вечер, но сбегу».

Он снова нажал клавишу селектора.

— Светланка? Здравствуй, милая. Спасибо. Слушай, Светланка, если меня будут искать, придумай что-нибудь. Кто? Не знаю, но предполагаю. Не важно. Словом, я в нетях. В нетях. Идиома такая, потом объясню. Ну спасибо!

Суркис встал из-за стола и почти бегом направился к двери. Но сбежать ему не удалось. Дверь открылась раньше, чем должен был бы сработать автомат, и в проеме появилась человеческая фигура. Суркис едва успел остановиться.

— Добрый день, Ждан, — он вернулся к столу и, опускаясь в кресло и жестом указывая посетителю на другое, сказал в селектор: — Не вышло, Светланка. Так что я на месте.

И только теперь взглянул на Ждана.

— Я вас слушаю.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

— Так вы не измените своего решения, Суркис? — спросил Бахмендо.

— И вы это прекрасно знаете, — парировал Суркис.

— Но послушайте...

— Нет, это вы послушайте, Ждан. Вы хотите строить энергоцентр на Ардо. Красивый проект, не спорю. И знаю наперед все, что вы будете сейчас говорить: и про полное удовлетворение энергетических потребностей Зари на полвека вперед; и про необходимость создания первого в Человечестве реактора, работающего на тяжелых хроноквантах; и про изящество инженерного решения. Но вот посмотрите, — Суркис протянул Бахмендо рулончик пергаминовой ленты. — Это цепочка экологических возмущений. Расчет велся в три руки; контроль делал наш лучший оператор, и к нему подключали Большой Мозг. Вот результаты. Вы сами видите, они выходят далеко за пределы допустимого. Во-первых, вам понадобится свести около двухсот квадратных километров леса, и не просто леса, а уникальной бальзоберезы. Во-вторых, работа установки повысит среднегодовую температуру планеты на двадцать четыре — двадцать шесть сотых градуса только за счет непосредственной теплоотдачи в воздух. В-третьих, вы предполагаете использовать в контуре охлаждения воду Ардуского каскада, что повысит его температуру по крайней мере градуса на четыре, а это, в свою очередь, породит теплое течение... Цепочка эта уходит настолько далеко...

— Я потратил два часа на дорогу, Суркис, вовсе не для то-

го, чтобы еще раз выслушать все то, что уже читал в вашем заключении, — прервал Бахмендо.

— А кто просил вас ехать сюда, Ждан? Три часа назад, если мне не изменяет память, мы разговаривали по телераду.

— Мне хотелось поговорить с вами непосредственно, а не через экран.

— Не все ли равно, как говорить? Важно — что говорить.

— Так вы не измените своего решения, Суркис?

«Круг замкнулся, — с тоской подумал Суркис. — С этого вопроса мы начали и к нему же пришли опять. Ну как объяснить ему? И ведь он умен — ох как умен! — а вот никак не хочет понять...»

— ...каких-то четверть градуса, — продолжал Бахмендо. — Ну не смешно ли сравнивать это с насыщением Зари энергией по крайней мере на ближайшие полвека?

— Когда кончился на Заре последний ледниковый период, Ждан? — предельно скучным и бесцветным голосом спросил Суркис.

— Не вижу связи.

— А связь та, что конец оледенения был вызван повышени-

Рисунки В. ДОЛЯ

ем среднегодовой температуры всего на три градуса. На три градуса, Ждан!

— Учтите, Суркис, я буду жаловаться.

Суркис встал. Этим всегда заканчивались подобные разговоры.

— Жалуйтесь, — сказал он. — Сколько хотите жалуйтесь. Не забудьте только, что Совет Геоигиены обладает правом вето. Да и в Большом Совете... Поймите вы наконец, что я, наверное, больше вас хочу увидеть проект в натуре. Но никто не имеет права так вмешиваться в экологию. — Уже дойдя до дверей кабинета, Суркис обернулся и добавил: — С каким удовольствием я поменялся бы с вами местами, Ждан! Вы даже не представляете, с каким удовольствием!

* * *

Как и все Советы на планете, Совет Геоигиены был вынесен за пределы города, и здание его одиноко возвышалось над раскинувшимся вокруг парком, постепенно и незаметно переходящим в нетронутую первозданность равнины Кораблей. Суркис неторопливо шел через этот парк, направляясь к стоянке вибропланов, — после неприятного разговора ему не хотелось сидеть в закупоренном вагончике карвейра.

Когда диск виброплана, затрепетав, чуть слышно зазвенел над головой, земля поплыла вниз, назад и вниз, а вокруг раскрылся такой простор, что у Суркиса невольно захватило дух. Поднявшись до пятого горизонта, он направил машину к городу.

Город был красив. И сознавать это было приятно — ведь Суркис сам вписывал его в ландшафт. Город был первой работой Суркиса на Заре. С тех пор прошло уже больше двадцати лет.

Город волной поднимался из равнины. Он начинался с невысоких домов-воронок, напоминающих диковинные грибы; затем на смену им приходили, сперва робко появляясь между «грибами», а потом постепенно вытесняя их, дома-дерева, ажурные и устремленные ввысь; и наконец, за ними, сливаясь с горным отрогом, полукольцом охватывающим город с юга, сплошной стеной вздымался массив сотового дома, чем-то напоминающего пещерные города древней Земли. Сверху город прикрывал невидимый геодезический купол, под которым был свой микроклимат, отличный от климата равнины Кораблей. Этот купол можно было заметить лишь изредка, когда во время восхода или заката на нем вспыхивали солнечные блики.

Город был красив. Но сегодня что-то в нем раздражало Суркиса, и он никак не мог понять, что же именно. Он начал мысленно членить город, пытаясь определить, какая же составная часть этого комплекса вызывает в нем неопределенный внутренний протест. И наконец понял: купол. Именно он, невидимый и неосязаемый, отделяющий город от окружающего мира.

Но почему? Ведь города под куполами веками шли вместе с человеком — с ледников Антарктиды Земли до оплавленных плато Шейлы. И это естественно: они нужны везде, где окру-

жающая среда непригодна для человека. Вот оно! Непригодна! Зачем же они здесь, на Заре?

Чтобы отделить мир человека от мира природы. Даже такой доброй, как здесь.

Добрая природа? Суркис улыбнулся. Какая чушь! Природа не может быть ни доброй, ни злой. Добро и зло — понятия морали. Природа же вне морали, ибо мораль — функция разума. Только человек может вносить в свои отношения с природой такие понятия, как добро и зло. Только человек может сделать взаимоотношения с природой моральными или аморальными, потому что отношение природы к человеку адекватно его отношению к ней.

А человек относился к ней по-разному. И все же в массе своей он был лишь Потребителем. Потребителем с большой буквы. В Темные Века и даже Века Рассвета человек только брал у природы, ничего не возвращая ей и ничего не давая взамен. Он расхищал ее богатства, считая их неисчерпаемыми, — сколько веков Земля расплачивалась за это, и сколько поколений билось над восстановлением нарушенного экологического баланса! Но все это история, которую Суркис знал только из книгофильмов и документов. Сейчас человек уже перестал быть Потребителем. И доказательство тому — само существование Совета Геоигиены.

Но, перестав паразитировать на природе, человек еще не научился жить с ней в разумном симбиозе. Он просто уклонился от этого, став существом, по сути, внеэкологическим. Отсюда и замкнувшиеся в себе города под куполами не только там, где вокруг них простирается ядовитая атмосфера, но и там, где она не отличается от земной. Отсюда и основная установка Совета Геоигиены: никаких изменений, выходящих за пределы случайностей; сохранить на новых планетах все в таком же по возможности виде, как это было до прихода сюда человека. Поэтому транспортные трассы всюду проходят или по воздуху, или под землей; поэтому мы предпочитаем синтезировать пищу индустриальным методом, а не разворачивать сельское хозяйство, вмешиваясь тем самым в экологический баланс планеты...

Но мы не можем действовать иначе, потому что быть потребителями уже не хотим, а жить в симбиозе еще не умеем. Наши отношения с неморальной природой должны быть строго моральны. Стоит хоть раз отступить от этого правила — ради чего угодно, пусть даже ради удовлетворения энергетических потребностей планеты не то что на полвека, а хоть на пять веков вперед, как волна зла пойдет по планете, сметая все с пути, как цунами древней Земли.

И чтобы не допустить этого, существуют на всех планетах Советы Геоигиены. А в каждом из них есть координатор, такой вот Суркис, которому очень тошно и больно, — больно отказывать людям, вставать на пути их дела. И ради чего! Ради какой-то четверти градуса, как говорит Ждан. Но ведь с экологическим балансом планеты сопряжен моральный баланс Человечества.

И потом, слишком въелось в нас представление, что человек есть мера всех вещей. Ждана Бахмендо я вижу в лицо; я вижу обиду и горе в его глазах. И мне по-человечески больно за

него. А природа... Слишком несопоставимы тут масштабы: я точно знаю — чуть ли не до квадратного метра — площадь зеленого листа по всей Заре; но когда последний раз я держал в руках зеленый лист, живой, а не отпрепарированный в лаборатории? И это самое страшное, потому что я должен защищать то, что понимаю только разумом, от того, что близко и моему разуму, и моим чувствам. А это неизбежно приводит к потере внутреннего равновесия, равновесия мысли и чувства.

Виброплан был уже возле самого Восточного Шлюза, когда Суркис перевел управление на автопилота и, достав из кармана плоскую коробочку телерада, набрал номер Ждана Бахмендо.

Когда с экрана на него удивленно и радостно взглянуло лицо энергетика, Суркис почувствовал, что где-то в горле у него застрял тугой и колющий комок.

Он покачал головой.

— Нет. Я не передумал, Ждан. Я не имею права передумать. И вам все равно придется тащить свой энергоцентр куда-нибудь на астероиды. — Комок в горле распух, мешая говорить. — Но если вы не очень заняты, Ждан, приезжайте ко мне. Вы знаете, где я живу? Мне хочется просто поговорить с вами... непосредственно, а не через экран.

Бахмендо чуть заметно улыбнулся.

— Хорошо. Я приеду, Суркис.

Виброплан скользнул в раскрывшуюся навстречу ему диафрагму шлюза.